

Игорь Шестков "Рождение ландшафта"

Офорт Ранфта "Рождение ландшафта" это хорошо темперированное поле сознания. «Поле сознания» – условный термин, который я употребляю для того, чтобы не обращаться к более распространённому «потoku сознания». Если поток сознания – это фильм, то поле сознания – это наложенные друг на друга кадры этого фильма. Если человек мыслит предметно, то поле его сознания похоже на фотографию реальности, если беспредметно – то поле сознания выглядит как абстрактная картина.

Перед художником – чистый лист бумаги. Он рисует линию и смотрит на нее.

Его ассоциативное сознание связывает эту линию с каким-то образом. И художник сознательно или бессознательно дополняет первую линию на бумаге другими линиями, стремясь приблизиться к этому образу. Воплотить его. После нескольких движений на бумаге появляется некоторый образ. Он ассоциируется с другим образом. Этот образ становится в свою очередь формообразующим – и так далее.

Так создается не целая картина, а только один «центр концентрации» на ней. Их на одном листе может быть довольно много (на Рождении ландшафта Ранфта – как минимум восемь). Результатом подобного рисования является композиция образов, выросшая как колония грибов из грибницы – клетка за клеткой, слой за слоем. «Сложные» образы Ранфта потому и кажутся таковыми, что они на самом деле не образы, а протоколы развития элементарных прообразов – линии, круга, треугольника... Так итальянские футуристы показывали движение ног человека при ходьбе, накладывая изображения-фазы друг на друга.

Ранфт развивает рисунок, наращивает композицию. Дает форме прорасти сквозь саму себя, прирастать к другим формам, развиваться, разворачиваться и в конце концов образовывать линейные конгломераты, своего рода «ландшафты». «Форма» у Ранфта не рождается, а развивается, разворачивается как кольчатый червь, распространяется как плесень – поэтому художник в разговоре со мной не смог назвать самую характерную для него форму. Ее на самом деле не существует: сегодня кольчатый червь лег так, а завтра – по-другому. Сегодня графическая плесень распространилась от середины по спирали, а завтра возникнет в другом месте и в виде осьминога.

Процессы образования ландшафта в природе, хоть и не происходят (как в случае работы художника над графическим листом) под управлением центрального разума – все-таки удивительно схожи с работой Ранфта. Если бы ландшафты земли не создавались бы под действием силы тяжести и материалом их служили бы графические элементы, а глины и камни, то земная поверхность представляла бы собой нечто напоминающее графику Ранфта.

Перечислим некоторые графические конгломераты на листе Ранфта:

Слева внизу – треугольник, в середине стороны которого происходит «прорыв

границы».

Справа внизу – горный многоуровневый ландшафт с различными формами, внутренними ландшафтами, растениями и фантастическими архитектурными постройками. Он похож на человека (слева – борода, справа – волосы, высшая точка – кончик носа) с длинной шеей, широко разинувшего в отчаянном крике рот.

Наверху в середине – «Солнце», круглая пустота с волосами и несколько строчек текста.

В середине листа – фантастический «эмбрион» с двумя «головами». Я не буду его описывать – слишком сложную структуру имеет эта биоморфная композиция. Подчеркну еще раз – эта «сложность» произошла от роста, слияния и наслаивания простых образов; это сложность блохи, разглядываемой в микроскоп.

Остальные центры читатель легко обнаружит и исследует сам.

Описанные мной упрощенно процессы рисования и восприятия кажутся сложным из-за чисто языковых сложностей их описания. На самом деле художник рисует, а зритель воспринимает – по-детски естественно, не утруждая себя терминологией.

Любая зрелая работа художника есть не только карта его творческих предпочтений, но и зеркало его психики, его судьбы. Это объясняется самим процессом создания абстрактной картины – послойным погружением в свою память, в самого себя и одновременным и тоже послойным выходом из себя, сбрасыванием засохшей кожи. Процессом, при котором создаваемая картина формируется образами и ситуациями памяти и при этом постоянно воздействует на сознание, до известной степени даже становится им. То есть художник, его память, его судьба становятся его собственной картиной. Рождение ландшафта – тоже своеобразный метафизический автопортрет художника. Своеобразный отпечаток его «руки», по которому цыганка смогла бы прочесть прошлое художника и угадать его будущее.

Линия его судьбы – круг. Метафизический образ – эмбрион. Мистические двойники – солнце, гора, мышь...

Главные события своего века Ранфт пережил лежа в животе матери – не родившись. Это обстоятельство определило не только его детскую судьбу, но и мистическую судьбу его творчества. Мастер Ранфт не может или не хочет рождаться, метафизически он живет жизнью эмбриона, жизнью до жизни. Его хорошо темперированные формы всегда остаются линейным планом, картой, никогда не становятся «существом». У них нет хребта.

Абстракция – всегда проект. Проект может быть прекрасным. При попытках его воплотить начинаются настоящие трудности. Кровь не течет по линиям.

Год 1944. Отец Ранфта воюет на восточном фронте. Жить ему осталось не более года. Беременная мать с двумя маленькими дочками пытается выжить в Берлине. Если бы она не послушалась тюрингских родственников и осталась бы в городе – то родившийся в январе 1945-о года Ранфт вряд ли пережил бы штурм и оккупацию.

Все страхи и заботы не родившийся ребенок получал вместе с кровью матери в виде бесформенных образов, странных и страшных, оседающих в подсознании. Он жил страхами матери не имея возможности увидеть, ощутить, осознать – он мог только пассивно разделить с ней ее судьбу. Единственное, что не родившийся ребенок может противопоставить войне и смерти – это надежда на то, что его защитит мамин живот. Несмотря на необычную силу фантазии композиции Ранфта поражены какой-то инфантильной слабостью.

Линии и точки у Ранфта живут собственной, часто «растительной» жизнью – они не только служат форме, но и имеют свое индивидуальное содержание. Органичные формы строятся внутри линейных оболочек, образуя затейливые текстуры. Главный, свернутый в дугу центральный образ – напоминает эмбрион. Этот графический головастик разделен на мини-ландшафты: леса, поля, куклы, ножка кузнечика. Правее – голова мышки. Левее – гримаса клоуна. Главное свойство его форм – их «потенциальность», «инфантильность». Этим формам не хочется превращаться в существа или в сущности – это уничтожит их эстетическую невинность, разрушит субтильную красоту небытия. Ранфт не хочет рождаться, его духовное тело состоит из линий, которые он не хочет превращать в кровеносные сосуды. Его судьба – жить чудесной абстрактной жизнью не родившегося ребенка.

Гравюры Ранфта удивительно бесконфликтны, не драматичны. На Рождении ландшафта нет муки, связанной с рождением, нет тектонических катастроф, нет извержений вулканов, разрывов земной коры и прочего. Биоморфные ландшафты Ранфта почкуются. Ранфт не умирает на собственной картине и не рождается на ней. На его прериях не рождаются и не умирают, не охотятся и не воюют. Графический лист Ранфта это не «сад 20-го столетия», как ему бы хотелось, а скорее доэдемский сад. Графический проект сада, восхитительный проект, отвергнутый хозяином.

Говорят, что от рождения слепые люди видят абстрактные сны. Что-то подобное видел и не родившийся ребенок, атакуемый гормонами ужаса в крови матери. Не только ужаса, но и страстной надежды. Надежды на мир и гармонию – госпожа Ранфт принадлежала к антропософским кругам.

Отец Ранфта пропал без вести.

Маленький Ранфт ждал отца. Ждал всю жизнь и может быть ждет до сих пор, бессознательно веря во встречу – хотя он и не верит в жизнь после смерти. Одно дело артикулировать свои жизненные принципы для художественного каталога, совсем другое – скрывая это от всех, даже от самого себя – бороться с подступающим со всех сторон небытием, противостоять старости и смерти не имея никаких надежд на внешнюю помощь. Я думаю, что Ранфт не только ждал отца, но и искал его. И не только в реальности (где эту роль отчасти принял на себя пастор его церкви Фосс), но и в метафизическом многообразии небытия – на графических полях своих гравюр. Поиск того, что не существует в реальности, но существует, например, в душе – важная мотивация абстрактного искусства.

И если не искал, то, по крайней мере, заклинал, как это делают шаманы, спускающиеся в царство мертвых. Он спускался не в царство мертвых, а в кладовую архетипов. Заклинал своими загадочными, не всегда ясными и для него самого формами. Замораживал свои работы в стадии абстракции – чтобы не принуждать себя увидеть реальность. Отец не появился. Ранфт жаловался, что всю жизнь жил в окружении женщин – две сестры, три жены, три дочери, мать,

бабушка, тещи... Линии Ранфта – женские линии, линии-веточки, линии-травинки.

Внутреннее многообразие работ Ранфта таково, что «смотреть» на его гравюру надо долго, как фильм, периодически меняя центры концентрации. Переносясь с ландшафта на ландшафт, входите в различные формы и структуры – и – становитесь формой с гравюры, становитесь ландшафтом, структурой, линией... Искусство Ранфта уникально, и, к сожалению, неповторимо – только тоталитарное общество способно спровоцировать художника на такую концентрацию, на такую серьезность. Многие его коллеги играют в искусство, играют в жизнь. Может быть поэтому искусство Ранфта не получило пока достойного признания.